

лей можно достичь путем выбора характера своей деятельности: между работой по найму и собственным делом. В «новой экономике» как мерой богатства нации, так и богатства личности начинает служить свободное время, которое проявляется в творчестве и непрерывном самосовершенствовании.

В-пятых, *меняется система трудовых и профессиональных контактов*. Принцип прямого контактирования и обмена мнениями частично заменяется системой компьютерных технологий. Это накладывает отпечаток, с одной стороны, на семейные общности. Потребность в общении начинает в большей мере смещаться в сторону семьи, незаменимой становится и ее роль в воспроизводстве социального генотипа (передаче знаний, культуры, воспитании, навыков, формировании духовного мира). С другой стороны, работник более серьезно начинает относиться к мнению коллег по работе и коллектива в целом.

УДК 336.7

ПРОМЫШЛЕННАЯ ПОЛИТИКА В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛЬНОЙ КОНКУРЕНЦИИ

В.Ф. Байнев, В.Т. Винник

*УО «Белорусский государственный университет»,
Представительство Нижегородской области
Российской Федерации в Республике Беларусь,
г. Минск, Республика Беларусь*

Несмотря на лукаво навязываемые остальному миру представления о грядущем «постиндустриальном обществе» и преимуществах «экономики услуг», развитие лидеров мировой экономики происходит, в основном, благодаря индустрии. В наши дни научно-инновационное, технологическое, военно-техническое, экономическое, политическое лидерство во многом определяется состоянием промышленности – отрасли, в которой максимально сконцентрированы наукоемкие и высокотехнологичные производства, являющейся главным поставщиком прогрессивных средств производства для прочих отраслей и сфер деятельности. Таким образом, разрушение промышленного потенциала конкурентов, деиндустриализация их национальных экономик и превращение в сырьевую провинцию – ключевые цели глобальной конкуренции, связанной с беспрецедентным обострением в XXI веке политико-экономической и даже вооруженной борьбы технологически развитых стран за доступ к ограниченным ресурсам (рис.).

Поражение СССР в «холодной войне» в полном соответствии с общепринятыми традициями окончания боевых действий привело к тому, что большинство оставшихся после него стран закономерно получили от победителя марионеточных руководителей и колониальные, компрадорские режимы, озабоченные экономическим процветанием и дальнейшим укреплением господства метрополий. В связи с этим промышленная политика в некоторых странах бывшего СССР (за исключением Беларуси и отчасти Казахстана) такова, что территория некогда технологически развитой сверхдержавы целенаправленно превращается в сырьевую провинцию Запада через деиндустриализацию, объективно высвобождающую сырье для его последующего использования «золотым миллиардом». Достаточно отметить, что за годы рыночного «оздоровления» экономики общая доля стран бывшего СССР на мировом рынке наукоемкой продукции сократилась более чем в 20 раз, а доля сырья в их экспорте кратно увеличилась, достигнув значений от 65% (Украина) до 80% (Туркменистан) стоимости вывозимых за границу товаров.

Рисунок – Цели, методы и инструменты глобальной конкуренции

Учитывая, что сегодня глобальная конкурентоспособность лидеров мировой экономики обеспечивается экономическим могуществом сверхкрупных вертикально-интегрированных транснациональных корпораций (ТНК), деиндустриализация стран бывшего СССР проводится под прикрытием объективно дезинтегрирующих экономику либерально-рыночных реформ. Дезинтеграция национальной экономики через приватизацию, стимулирование принципиально неконкурентоспособного по сравнению с ТНК малого и среднего бизнеса, опережающее развитие сферы услуг – вот узловые моменты превращения единого народнохозяйственного комплекса в своеобразный «бульон из экономического планктона», обреченный быть идеальной питательной средой для быстрого роста «китов» мировой экономики – западных мегакорпораций.

Ключевыми факторами деиндустриализации постсоветских стран являются искусственно созданные под благовидным предлогом борьбы с инфляцией отклонения параметров функционирования их кредитно-денежных систем от общепринятых в цивилизованном мире значений. Сказанное относится, прежде всего, к такому показателю, как уровень обеспеченности экономики национальной денежной массой, который на всем постсоветском пространстве традиционно ниже не только оптимального и порогового, но и критического уровня. Недостаток национальных денег в экономике ведет к ее долларизации, обеспечивая Западу массовый сбыт его главной продукции – «резаной бумаги с портретами», создает условия для спекуляции дефицитными финансовыми ресурсами в паразитарной банковской системе и «вымывания» оборотных средств из реального сектора экономики в сферу обмена, провоцирует кризис неплатежей и банкротство (разрушение) промышленных предприятий. Кроме того, мощным, системно действующим фактором деиндустриализации стран бывшего СССР является искусственная кратная недооценка стоимости их национальных валют относительно справедливого, определяемого на основе паритета покупательной способности (ППС) обменного курса. Согласно оценкам МВФ и Всемирного банка официальные обменные курсы национальных валют стран ЕврАзЭС и СНГ, равно как и стран «третьего мира», в 2-4 раза ниже их справедливых значений. Необходимость реализовывать продукцию отечественным потребителям с их малой зарплатой по соответствующе низким внутренним ценам и приобретать ресурсы по мировым (высоким) ценам и к тому же за кратно переоцененную иностранную валюту делает промышленность искусственно нерентабельной. Описанные и некоторые другие явления, включая меньшую прибыль промышленных предприятий по сравнению с торгово-посредническими структурами, имеющими более высокую оборачиваемость оборотного капитала, а также возникающие вследствие этого ограничения в доступе промышленных предприятий к иностранной валюте и кредитным ресурсам, составляют сущность «эффекта рыночной дискриминации промышленности».

Следовательно, активная промышленная политика должна предусматривать меры по дедолларизации народного хозяйства, кратному повышению коэффициента монетизации экономики постсоветских стран с нынешних 15-20% до 60% и выше, доведению обменных курсов их национальных валют до справедливых, определяемых ППС, значений. В целях компенсации «эффекта рыночной дискриминации промышленности» необходимо обеспечить доступ к кредитным ресурсам под 1-5% годовых и существенные налоговые льготы крупным промышленным, прежде всего, инновационным предприятиям. Очень важно ввести валютные ограничения, предотвращающие перетекание заработанной промышленными предприятиями на внешних рынках иностранной валюты в пользу торгово-посреднических структур, способных ее только тратить на ввоз ширпотреба. Указанные ограничения должны коснуться режима внутренней конвертируемости иностранной валюты, которая по примеру совершивших технико-технологический прорыв стран (Германии, Японии, Южной Кореи, Китая и др.) должна концентрироваться на модернизации производства, а не бездар-

но инвестироваться в экономику и без того развитых стран нашими туристами, малым бизнесом и индивидуальными предпринимателями.

Стратегическим приоритетом развития стран Союзного государства, ЕврАзЭС и СНГ в XXI веке должен быть объявлен курс на неоиндустриализацию, предусматривающий всесторонний государственный патронаж крупных и сверхкрупных промышленных предприятий и создание условий для их вертикальной, межотраслевой и межгосударственной интеграции. Цель этого курса – кратное повышение производительности труда в сфере материального, прежде всего, промышленного производства на базе автоматизации и компьютеризации отраслей, предприятий, конкретных рабочих мест.

Работа публикуется в рамках выполнения НИР №20061700 «Теоретико-методологические основы инновационно-промышленной политики стран ЕврАзЭС как фактор устойчивого развития» (ГКПНИ «Экономика и общество», 2006–2010 гг.).

УДК 339.747

ОБ ОСОБЕННОСТЯХ ПЕРЕЖИВАЕМОГО МИРОМ КРИЗИСА¹

Х.З. Барабанер

Институт экономики и управления ЕСОМЕН,

г. Таллин, Эстония

Глобальный экономический кризис (как его дефинируют в разных выступлениях) расширяется и углубляется. По некоторым данным, кризис захватил уже более ста стран, в том числе всех ключевых (по сегодняшним реалиям) экономических игроков планеты, контролирующих более 90% мировой экономики. Кризис заставляет правительства разных стран мира, бизнес-сообщество, науку всё больше и больше задумываться над его глубинными причинами и возможными масштабными последствиями, над долгосрочной стратегией развития мировой экономики.

Естественно, все эти «раздумья» идут одновременно с попытками заткнуть дыры в бюджетах и с поисками возможностей выплаты компенсаций и пособий нарастающему количеству безработных, со стремлением разными способами обеспечить ликвидность в банках, не допустить социальных катаклизмов.

Нарастает понимание того, что мир «вваливается» в небывалый, долгосрочный и полисистемный кризис, глобальный как по своему пространственному охвату, так и по глубине последствий. Попытки объяснения наступившего кризиса с позиций классической теории экономических циклов и выработки антикризисных мер на этой основе не срабатывают.

Говоря о полисистемном характере кризиса и его долгосрочности, попробуем в первом приближении рассмотреть, какие системы подвергнуты кризису.

Свою несостоятельность самым очевидным образом показала финансово-банковская система мира, оторвавшаяся от реальной экономики, действующая практически бесконтрольно, потерявшая национальные ориентиры. Вместо того, чтобы быть хотя и весьма важной, но всё же одной из инфраструктур реальной экономики, одним из институтов обеспечения жизнедеятельности реальной экономики и социума, эта система превратилась в значительной степени в самодостаточную структуру. Финансовый капитал разорвал (или почти разорвал) пуповину, связывающую его с производственным капиталом, реальной экономикой: промышленностью, сельским хозяйством, строительством, сферой услуг и т.д.

---

¹ Развитие мирового экономического кризиса за период после конференции (ноябрь 2008 г.), на которой прозвучали основные тезисы, отражённые в данной статье, только подтвердило позиции автора.